

ЖИВОЙ ГОЛОС СОВРЕМЕННОСТИ

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Среди многих московских премьер есть спектакли, объединенные общим устремлением драматургов, актеров, режиссеров, общей темой борьбы с тяжелыми последствиями культа личности. Спектакли, активно воюющие за ленинские нормы демократии, за благородный дух гуманизма и товарищеской солидарности, за светлую веру в человека, труженика коммунистического мира.

Малый театр недавно показал новую пьесу С. Алешина «Палата» в постановке режиссера Л. Варпаховского.

Казалось бы, какие особые страсти, споры, столкновения взглядов могут разыграться в больнице, где страдание и боль — единственное живое чувство человека. Однако драматург и театр увидели за однообразным течением дней в невеселой больничной палате второй — поэтический план душевного здоровья или душевной боли, не всегда и не обязательно совпадающих с физическим состоянием человека. И этот второй поэтический план, тонко и мастерски раскрытый в спектакле Малого театра, — самое интересное, самое дорогое. Как-то забываются, уходят из памяти бытовые подробности пьесы — кто чем болен, кто зачем лежит в палате, у кого болит рука, а у кого сердце, можно ли курить учителю и не очень ли утомится писатель, если будет писать лежа.

Все это, нужное для достоверности, не сильно занимает зрителя. И хотелось бы сразу сказать режиссеру — вовсе и не надо музыкального какого-то беспокойного «хирургического» тембра, кинокадрами, показывающими операции и кардиограммы, фиксировать быт, внешнюю атмосферу пьесы «Палата». Куда ценнее, интереснее другое. Здесь, в этой вынужденной статичности, в этой заданной жизнью неподвижности бьется активная, горячая мысль людей, их воля, их страсть, их убежденность.

Лежит в палате некто Прозоров, где-то и какой-то ответственный, где-то и почему-то получающий большую зарплату, по любому, самому мелкому и мелочному поводу вспоминающий, что он член партии с 19... года. Прозорова играет П. Константинов, актер большой жизненной правды и широких социальных обобщений. Поначалу это довольно болтливый, надоедливый старикашка с круглыми от глупого самодовольства глазами, с удивительным и поэтому смешным почтением к собственной особе. Поначалу и не пугают отческие

раскаты его сытого говорка, то журащего беспокойную молодежь, то осмысливающего разные житейские обстоятельства. Но движется действие пьесы, и все нелепые, смешные, гнусенькие бытовые черты характера своего героя актер собирает воедино. Образ растет, яснее становится его социальная основа — поклонение культу личности и поэтому принижение, неуважение любой человеческой личности. И вот уже он стоит над распростертым в тяжелой болезни человеком распрямив плечи, стоит грозно, страшно, как живое напоминание о недавнем прошлом. Но это всего лишь миг, это как бы психологическая, идеальная кульминация роли, а затем снова потухшие, тихие, стариковские глаза, скромненькая ухмылка, домашняя фотография сына — разве был перед нами другой человек, разве мы видели только что его грозный, хищный оскал? И вот в этой обыденности, в этой непреувеличенности характера, созданного Константиновым, пожалуй, и есть самое интересное.

В новом спектакле Центрального детского театра «Перед ужином» В. Розова также живет эта тема. Роль наследника культа личности, неразружившегося трубадура насилия и античеловечности играет здесь И. Воронов. И его отличает та же спокойная, правдивая, непреувеличенная манера исполнения, и он не стремится испугать зрителей хищными ухватками и страшными поступками своего героя. Но когда выходит на сцену этот спокойный, уверенный в себе, чем-то даже добрый человек с глубоким, барским басом, солидными движениями и заученным демократизмом, становится страшно. Так же, как и П. Константинов в «Палате», раскрыл И. Воронов в пьесе В. Розова главное, внешнее и не обязательно видимое — мертвую, выжженную, озлобленную душу человека-ненавистника.

И хотя в пьесе Алешина Прозорову — Константинову противостоит писатель Новиков, человек с большим сердцем и в то же время нравственно здоровый (актер Б. Телегин), нам бы хотелось остановиться на образе Гончарова в исполнении В. Доронина. Актера Телегина вроде бы не в чем особенно упрекнуть: все в его игре и благородно, и правильно. — но и только. Не он решает и создает ту веселую, жизнерадостную атмосферу спектакля, в которой растворяется, как тень, темный облик Прозорова.

В герое Доронина есть та крепкая народная сила, тот чудесный юмор и непоколебимое жизнелюбие, которые сокрушают препятствия как будто даже и без особых усилий, самим своим существованием. Когда Доронин на сцене

не — белеют стены палаты, в улыбке раздвигаются строгие губы медицинских сестер, и живой трепет сочувствия пробегает по залу. В столкновение со взглядами Прозорова вступает глубокая, крепкая, очень ясная народная вера в добро, которое живет в душе Гончарова, запасы которого неисчислимы в душах других, тех, кто рядом.

Герой Доронина удивительно доверчив, он верит врачам и родным, случайным товарищам по палате и тем, кто приходит их навещать. В каждом он видит лучшее, каждый несет ему облегчение, радость, душевный покой. И это доверие к людям больше, чем все другое, противостоит той глухой подозрительности, которая съедает душу Прозорова — Константинова.

Решению сложной и общественно важной темы в спектакле «Палата» помогает оформление Ю. Арндта и М. Попкова. Светлые цвета больничной палаты и мертвое черное дерево на заднем фоне как бы символизируют образный смысл пьесы — и в больнице может торжествовать здоровье, если здорова совесть, и на воле, в саду может расти сухое, черное дерево, если больны его корни.

Николай Федорович Погодин уже не увидит своей пьесы «Черные птицы» на сцене театра имени Вахтангова. Смерть отняла его у нас. Но как удивительно жив голос драматурга, прозвучавший в защиту человеческого достоинства, гуманизма, веры в лучшие стороны души советских людей.

Режиссер А. Ремизова стремится как можно глубже раскрыть внутренний мир человека, и поэтому на полукруглом экране за спинами действующих лиц возникают их же лица, звучат их же голоса, как бы приближая к зрителям самое сокровенное, самое интимное. Но этот подлинно современный спектакль все равно не родился бы, если бы не было в нем настоящей актерской победы, если бы не играл роль Первозванова настоящий мастер сцены М. Астангов.

Вот он возвращается в родной дом после долгих лет лагерей. Первозванов — так назвал его Погодин, вкладывая в эту фамилию свой символический смысл. Такие, как Первозванов, истинные коммунисты и патриоты, первыми пострадали от жестоких ударов во времена культа личности. И этот скрытый, второй смысл фамилии своего героя отлично почувствовал М. Астангов, воплотил его в конкретном характере.

В душе героя Астангова нет вопроса к людям: кто виновен, кто посадил меня за решетку? Он даже как будто избегает мучительного разговора, страшных догадок. Героя Астангова раздражает обязательное людское умиление его страданиями, непременные попытки подтолкнуть его к узнава-

нию виновника своего несчастья. Для него разговор с человеком, когда-то донесшим на него, вовсе не кульминация. Кульминация — разговор с молодежью, с будущим, с эпохой, со своей душой. Расширяется социальный, политический, общительный смысл этого образа. Первозванов — Астангов обвиняет не только Крутойрова, но крутойровых и те условия, которые породили возможность насильного отторжения многих людей от жизни, от труда.

И все же хотелось, чтобы более светлым был фон, на котором развиваются события. Вряд ли нужно, например, Первозванову так долго, уже после возвращения в институт, ходить все в той же обтрепанно-лагерной одежде — глядите, мой, вот в какой одежде я страдал, и казнилась. Ему не нужно любоваться страданиями своего героя. Цель его жизни в другом — в силе активной борьбы.

И еще раз с этой же темой преодоления тяжелых последствий культа личности мы встретились в спектакле театра Советской Армии «Под одной из крыш» З. Аграненко (литературная редакция К. Симонова, режиссер Б. Эрин).

Написанная не сегодня, эта пьеса очень сегодняшняя, потому что история офицера Петрова, которого хорошо знали товарищи и все же поверили клевете врагов, поучительна и современна. Смотря спектакль театра Советской Армии и проверяя себя, свои мысли, свои поступки. Этот спектакль учит никогда не заглушать добрых человеческих чувств, верить в то, что советские люди останутся советскими людьми в любых испытаниях, не сломившись, не сдавшись на милость врагу.

И здесь главное — умение актера чувствовать и глубоко, по-современному раскрывать характер. Пример тому — образ старого врача, созданный Л. Добржанской. И хотя эта женщина не имеет непосредственного отношения к судьбе моряка Петрова и центральному конфликту спектакля, мы через ее характер узнаем очень и очень многое и о семье Петрова, и о времени.

...Советская драматургия, советский театр ведут большой и сложный разговор о борьбе с последствиями неисчислимых злодеяний, о людях, возвратившихся к радостному труду, к жизни. Хотелось бы, чтобы прямой и открытый рассказ о прошлом сочетался в новых наших пьесах и спектаклях с утверждением героики современности. Генеральным направлением для всей нашей литературы, нашего искусства всегда было и остается создание образа современника, бойца и строителя, которому хотелось бы подражать, который заключал бы в себе цельный и целенаправленный характер, характер, воспитывающий поколение, близкий и дорогой для всех людей, активно строящих мир добра и света, мир коммунизма.

Вл. ПИМЕНОВ.